

УДК 811.112.2`42

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ УСТНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ АВТОРСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ

Л.В. Самуйлова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается особая форма проявления авторской речи в художественном произведении – авторское отступление; описываются темпорально-модальные параметры феномена, а также грамматические формы и конструкции, поддерживающие авторскую стратегию на устность.

Ключевые слова: авторская речь, авторское отступление, стратегическая устность, грамматические формы и конструкции.

Denk nur nichts Böses, lieber Leser.

H. Heine. Reisebilder

Формы присутствия автора в художественном тексте разнообразны. Во многом они зависят от родовой и жанровой принадлежности произведения. Явление автора читателю локализуется в рамочных компонентах текста (заглавии, эпиграфе, начале и концовке текста, псевдониме), а также фрагментах метатекстового характера. К ним относятся наряду с посвящениями, примечаниями, предисловиями, послесловиями и авторские отступления [1]. Последние представляют собой внесюжетные вкрапления, различные по форме и авторской интенции. Их включение в текст «часто объясняется художественной игрой писателя, демонстрирующего свою свободу от правил последовательно и непрерывного изложения событий» [2].

Специфика модально-темпоральных параметров авторской речи складывается, во-первых, из её способности к формированию темпорального стержня произведения, который, пронизывая канву художественного времени, вплетается во множество «индивидуальных» времён и устанавливает зависимость между ними; во-вторых, из её функции быть носителем модальности действительности и передавать отношение автора к описываемому, ориентируясь на предполагаемого читателя.

В этой связи можно говорить о пересечении перспективы авторского повествования и перспективы читателя. Точки их пересечения – непосредственное обращение автора к читателю в форме авторских отступлений. Во временном плане они сохраняют ориентацию на момент речи, которая, как известно, в целом для авторского повествования не типична. Благодаря этому противоречию, авторские отступления на фоне общего авторского повествования воспринимаются как вводные. Их вводность подчёркивается пунктуационно, например, с помощью скобок (в литературных фрагментах сохранена орфография оригинала – Л.С.):

(Der Leser wird sich erinnern, daß Rosamunde acht Louisd'or von Albertinen borgte.) (L.Tieck)

Unser Führer (der Leser wird sich freundlichst seiner entsinnen) sah mich leise vorwurfsvoll an und erwiderte dann ruhig: «Sie kennen Boßdorf nicht.» (Th. Fontane)

Авторские отступления, поддерживая интенцию на установление тесного контакта с читателем и воздействия на него, заметно «оживляют» как само повествование, так и язык, на котором автор разговаривает со своим читателем. Последний допускает определённую степень сниженности, приближается к нормам устной (разговорной) речи – устности.

Особая локализация устности – внутри литературного текста – накладывает отпечаток на её характеристики и статусность. Являясь атрибутом «и письменности», составляющей художественного стиля, она присутствует в письменном тексте как *авторская стратегия* (концептуальная устность – *konzeptionelle Mündlichkeit* [5]).

Для современных лингвистических разысканий стало уже привычным при описании подобных речевых (в том числе художественных) пассажей обращаться к теории дифференциации речевого продукта по линии «медиум – концепция» (Medium – Konzeption). В качестве иллюстрации приводим графику И. Швиталлы [7: 17], адаптированную к немецкому языку (см. таблицу).

Таблица

Medium	Konzeption	
	gesprochen	geschrieben
graphisch	das is=ne wichtije angelegenheit	„das ist eine wichtige Angelegenheit“
phonisch	[das nq vIçtjq ?angqleNhaIt]	[das ?Ist ?a'nq vIçtIgg ?angqle:Nha't]

Четыре поля приведённой выше таблицы дают представление о возможных конфигурациях медиума и концепции. Понятно, что наиболее типичны сочетания *gesprochen* + *phonisch* (разговорный + фонический) и *geschrieben* + *grafisch* (письменный / книжный + графический), хотя речевая практика богата и иными образцами. Так, «доклад» имеет письменную основу, а реализуется в устной форме, «интервью» – в основе своей устное – может быть выполнено в графике. Ср. графическое изображение обеих возможностей (параллельность – рис. 1 и перекрещивание – рис. 2 медиума и концепции):

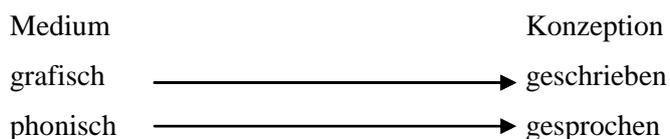

Рис. 1

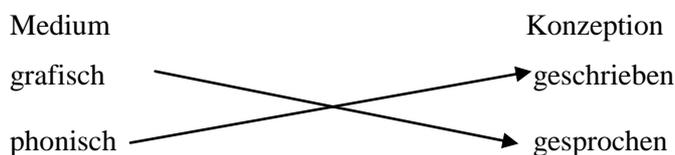

Рис. 2

О реальности «перекрещивании» (kreuzen) говорит Х.-М. Гаугер [4: 91]:

«So haben wir nun also das „medial“ Mündliche und Schriftliche einerseits und das „konzeptionell“ Mündliche und Schriftliche andererseits. Und beides läßt sich nun kreuzen – und gerade dabei zeigt sich der Unterschied zwischen den beiden Unterscheidungen. Man kann einen hochschriftlich angelegten Text vortragen oder vorlesen, dann ist er zwar „medial“ mündlich, aber „konzeptionell“ schriftlich. <...> Und man kann ein rein mündliches Gespräch, etwa nach einem Tonband, schriftlich aufzeichnen, sogar genauestens „phonisch transkribieren“, dann ist es zwar „medial“ schriftlich geworden, „konzeptionell“ jedoch durchaus mündlich geblieben».

Палитра модальных оттенков авторских отступлений отличается чрезвычайным разнообразием и богатством. Их шкала колеблется от нейтральных замечаний типа *glaube ich, meine ich, sei gesagt, – wie soll ich es sagen –*, до «пророческого предопределения» – так называемого «исторического будущего» и различных по форме высказываний, базирующихся на императивности и предположительности. Ср. несколько примеров, включающих авторские отступления общего характера (выделение подчёркиванием здесь и далее наше – Л.С.):

(1) Zu ihrer Entschuldigung sei gesagt, daß sie sich noch schwach fühlte, als sie diesen Brief, ohne Anrede und ohne Unterschrift schrieb. (Ch. Brückner)

(2) Ich war verwundert, gebe ich zu; der Bäcker hatte meine ganze Aufmerksamkeit, und dadurch merkte ich, daß ich auch seine hatte. (H. Kant)

(3) < ... > und ich weiß noch, daß die sachgemäße Anbringung des vielfältigen Schmuckes erhebliche Mühe kostete, die Beteiligung aller erforderte und die ganze Familie am Weihnachtsabend vor Nervosität keinen Appetit hatte, die Stimmung dann – wie man so sagt – einfach gräßlich war < ... >. (H. Böll)

Заметим, что наиболее благоприятным фоном для авторских отступлений является повествование от первого лица. Авторское «я» не всегда отчётливо (грамматически) выражено, нередко обобщённые (пример 3) и обезличенные (пример 1) структурные модели.

Вводные формулы *wie man sehen wird, davon wird noch die Rede sein, wie man später erfahren wird* представляют собой наиболее простой (поверхностный) пласт «исторического будущего». Их функция состоит в указании на то, что какие-то факты ещё найдут отражение в повествовании. Подобного рода авторские ремарки встречаются во многих языках. Например:

Simonetti, unser Vorgänger, hatte viel mehr zurückgelassen als einen Teil des Inventars, mehr als alte Regenmäntel und Schaukelstühle, aber davon wird noch die Rede sein. (Ch. Brückner)

Zunächst schien mir, Franzens Frömmigkeit stehe im Gegensatz zu diesen regelmäßigen Übungen in passiver und aktiver Brutalität. Doch heute beginne ich manches zu ahnen. Ich werde darauf zurückkommen müssen. (H. Böll)

Diejenigen, die dies erste Kapitel gelesen haben, werden wahrscheinlich auch die folgenden lesen, denn ich habe mit Vorbedacht das langweiligste vorangestellt. (L. Tieck.)

И Аркадий рассказал ему историю своего дяди. Читатель найдёт её в следующей главе. (И.С. Тургенев)

Иллюстрацией приёма повествования «с опережением», «с предвосхищением» событий, с «пророческим предсказанием» будущего героев и событий служит феномен собственно «исторического будущего». Одной из возможных языково-речевых средств его выражения является форма будущего времени, в немецком языке – это футурум I (*futurum historicum, ausblickendes Futurum*). Авторские отступления – самый благоприятный художественный контекст, в котором называются факты, будущие для данного микросюжета, но прошедшие для более широкого (главы, всего произведения). При этом тема «пророчества» и «пророческого предсказания» наиболее отчётлива в литературных фрагментах, содержащих контраст между мыслями героя и комментарием автора, что иллюстрируют следующие примеры:

Als Rudi vom Schalter geht, weiß er nicht, dass eine halbe Stunde später Hilde in der Schlange stehen wird, um Reifenberg zu verlassen, um ihr Schicksal in die eigenen Hände zu nehmen. (M.W. Schulz)

Ни Синцов, ни Мишка < ... > оба не знали, что будет с ними через сутки.

Мишка < ... > не знал, что через сутки Синцов не будет ни убит, ни ранен, ни поцарапан, а живой и здоровый, только смертельно усталый, будет без памяти спать на дне этого самого окопа.

А Синцов, завидовавший тому, что Мишка через сутки будет в Москве говорить с Машей, не знал, что через сутки Мишка не будет в Москве и не будет говорить с Машей, потому что его смертельно ранят ещё утром, под Чаусами, пулемётной очередью с немецкого мотоцикла. (К. Симонов)

А. Дёблин, чрезвычайно активно использующий возможности поля авторских отступлений, раскрывает дальнейшую судьбу своих героев (*Mädchen Cilly*) с целью успокоить читателей (*machen Sie sich keine Sorgen, um die müssen Sie sich gar keine Sorgen machen*), которых, по его предположению, она волнует (*Es gibt einige unter den Lesern, die besorgt sind um Cilly*). Авторское отступление включает как возможный вопрос читателей (*Was wird aus dem armen Mädchen?*), воспроизводимый автором, так и ответ на него, содержащий «историческое будущее» (*die wird sich schon durchschlagen*):

Es gibt einige unter den Lesern, die besorgt sind um Cilly». Was wird aus dem armen Mädchen, wenn Franz nicht da ist, wenn Franz nicht lebt und tot ist und einfach nicht da ist? Oh, die wird sich schon durchschlagen, machen Sie sich keine Sorgen, um die müssen Sie sich gar keine Sorgen machen, die Sorte fällt immer wieder auf die Beine. (A. Döblin)

Нередко в стремлении «дорисовать» речевой портрет ключевого персонажа автор переходит на его язык, что подтверждается следующей художественной зарисовкой с диалектно окрашенной произносительной формой вопросительного слова *was – wat*:

Der Kommissar sagt: «Sone Schweinerei ist mir mein Lebtag noch nicht vorgekommen».

Und was sagt Gerner? Wat wird der sagen? Der sagt kein Wort. (A. Döblin)

Риторичность вопросов приводимых выше литературных фрагментов может дополняться обобщённостью. «Риторическое обобщённое» иллюстрируется, как правило известным примером из Г.Э. Лессинга: *Wer wird nicht einen*

Klopstock loben? Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс совершенно справедливо определили в своё время «основного игрока» на семантическом поле высказываний типа: *Wer denkt jetzt daran? Wer denkt jetzt nicht daran?* Это не «вопрос», а «сообщение», которое может выступать в двух формах – аффирмативной и негативной [6: 159]. При этом подразумеваемый (или дающийся ответ) имеет противоположное риторическому вопросу значение – значение альтернативного утверждения.

Meinen Lesern ist es bekannt, wie viel der Graf von Künftigkeiten zu bestimmen gewohnt war. Es fiel ihm mancher Umstand wie aus dem Aermel. Wer wird denn wohl im dreißigsten oder vierzigsten Jahre wissen wollen, ob er es bis siebenzig oder achtzig bringen, oder eher sterben werde? (Th. G. Hippel)

Трансформационная проба выдержана в презенсе не случайно. Генерализованные контексты тяготеют к перспективе настоящего. Ср.:

→ Niemand will im dreißigsten oder vierzigsten Jahre wissen, ob er es bis siebenzig oder achtzig bringen, oder eher sterben werde.

Художественный текст даёт похожие образцы риторического обобщённого, пунктуационно оформленные как вводные. Созначение альтернативного утверждения в них сохранено, о чём свидетельствуют приводимые трансформации. Например:

Alec Puch – wer wird es ihm nicht nachfühlen? – zitterte; zitterte so lange, bis er sich ausgezittert hatte < ... > (S. Lenz)

→ Alec Puch, wie es ihm wohl jedermann nachfühlt, ...

Hamilkar Schass, wen wird es wundern, hörte diesen Ruf nicht. (S. Lenz)

→ Hamilkar Schass, das wundert wohl keinen, ...

Как вводные оформляются вопросы, задаваемые автором себе самому в ситуациях, перенесённых в художественный текст из устного повествования. Рассказчик заполняет паузу, возникающую при «не приходящем на ум» слове или факте. Ответ обычно следует. Отличительной характеристикой этих «задерживающих» («редардирующих», от лат. *retardare*) вводных пассажей является утрата созначения альтернативного утверждения. Частотные формы их оформления – футурум I и II. Ср. следующие литературные фрагменты:

Als er mit der Jane wieder zurückkommt – wie lange wird er denn weg gewesen sein, halbe, dreiviertel Stunde? – ist Platz unterm Eulenbaum leer. (M.W. Schulz)

Was macht denn aber der Franz? Der? Na, was wird er machen? Geht in der Welt herum < ... > (S. Lenz)

Стирающая грань между миром фиктивным, художественным и миром реальным, автор как бы оказывается в ситуации «здесь» и «сейчас» (*hic et nunc*) одновременно и с читателем, и с героем. Какой бы иллюзорной эта коммуникативная позиция ни казалась, форма её выражения, абсолютно объективная и конкретная, тяготеет к перспективе настоящего-будущего, традиционно включающей и императивность. Это подтверждают литературные фрагменты, приведённые выше, а также следующие, извлечённые из электронного корпуса нововерхненемецкого (электронная библиотека от Лютера до Тухольского) по

поисковому слову «читатель» – Leser [3]. Отметим чрезвычайную активность грамматической формы времени немецкого языка – футурума I в типичной для разговорной речи функции предположения по отношению к настоящему. См., например, у О. Паниццы (O. Panizza):

Der Leser wird wohl mit mir der Ansicht sein; der Leser wird in der Lage sein, diese Schwierigkeit voll zu bemessen; der Leser wird begreifen; Der Leser wird vielleicht von der folgenden Bemerkung ebenso erstaunt sein; aber der Leser wird zugestehen; der Leser wird begreifen. (O. Panizza)

Императивность присутствует в следующих авторских ремарках:

Der Leser wird von mir nicht verlangen, daß ich ihm alle mögliche Ab- und Spielarten der Komplimente und Verbeugungen schildern soll (L.Tieck).

Gleich darauf kam Hoffmanns zweites Heft an das Licht; darin stand nun eine schändliche Lüge von mir, und das verleitete mich, nicht nur in öffentlichen Blättern, sondern auch an einigen Stellen in diesem Buche über Aloysius Hoffmann und sein Journal mehr Worte zu verlieren, als diese unwürdigen Gegenstände wert sind – der Leser wird das gütigst verzeihn. (A. Knigge)

Перспектива прошедшего «прорывается» в виде предположительных высказываний, оформленных другой футуральной формой – футурумом II. Ср.:

Der Leser wird freilich noch von keiner so unbändigen Liebhaberei gehört haben, als seine war. (Jean Pau)

Der Leser wird es gewiß schon erraten haben, daß ich in niemand anders, als die schöne Gouvernante verliebt wurde. (L.Tieck)

Однако такого рода пассажи не оставляют ощущения временного разрыва, не нарушают общую временную ориентацию авторского отступления на «здесь». Они имеют отчётливую проекцию на настоящее. Их актуальный «след» обнаруживается с помощью следующих трансформаций:

Der Leser wird freilich davon noch nicht gehört haben = hat freilich davon noch nicht gehört → weiß davon freilich noch nicht.

Der Leser wird es gewiss schon erraten haben = hat es gewiss schon erraten → weiß es gewiss schon.

В заключение заметим, что идентичные приведённым разговорные пассажи весьма типичны для речи персонажей художественного произведения.

Список литературы

1. Емельянова О.Н. Авторская речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 13 – 14.
2. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А.П. Горкина. [Электронный ресурс]. М.: Росмэн, 2006. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4790/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE (дата обращения: 10.03.2016).
3. Deutsche Literatur von Luther bis Tucholsky (DVD-ROOM) [Электронный ресурс]: digitale Bibliothek. Band 4. Berlin: Directmedia Publishing; Zeno.org 001, 2007.

4. Gauger H.-M. Was wir sagen, wenn wir reden. Glossen zur Sprache. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co.KG, 2007. 276 S.
5. Koch P./ Oesterreicher W. Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte // Romanisches Jahrbuch. 1985. Heft 36. S. 15–43.
6. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. (Стилистика немецкого языка): учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1975. 316 с.
7. Schwitalla Jo. Gesprochenes Deutsch: eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1997. 222 S.

STRATEGIC ORALITY IN THE AUTHOR'S REMARKS IN FIKTION

L.V. Samujlova

State University, Tver

The article deals with a particular form of manifestation of the author's speech in a literary work - the author's remarks. It describes the temporal and modal parameters of this phenomenon, as well as grammatical forms and structures that support the author's strategy aimed at orality.

Keywords: *author's speech, author's remark, strategic of orality, grammatical forms and structures.*

Об авторе:

САМУЙЛОВА Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: lissam50@mail.ru